

УДК 372.882

Кравцов Максим Александрович

Учитель русского языка и литературы 1 категории,
ГБОУ «Академическая гимназия № 56»;
Российская Федерация, Санкт-Петербург, e-mail: maxkravt1@rambler.ru

Боева Галина Николаевна

Доктор филологических наук, профессор
кафедры рекламы и связей с общественностью,
Санкт-Петербургский государственный университет
промышленных технологий и дизайна;
Российская Федерация, Санкт-Петербург, e-mail: g_boeva@rambler.ru

«МЕРЦАНИЕ СМЫСЛОВ» В ПРОЗЕ С. ДОВЛАТОВА

В статье предлагается опыт преподавания прозы С. Д. Довлатова, в частности его сборника «Наши», в контексте русской классической литературы, актуальной для школьного канона. Довлатовские герои, включая автобиографического повествователя, помещаются в галерею персонажей классики, и обнаруживается парадоксальная преемственность авторской позиции по отношению к ценностям писателей-предшественников. Методическая направленность статьи сочетается с достоверностью представлений о довлатовской прозе, утвердившихся в современном литературоведении.

Ключевые слова: С. Довлатов, проза, «Наши», литературная традиция, классика, авторская позиция.

Maxim A. Kravtsov

Teacher of Russian Language and Literature, 1st category
State Secondary School «Academic Gimnasium» № 56
St. Petersburg, Russian Federation

Galina N. Boeva

Doctor of Philological Sciences, Professor
Department of Advertisement and Public Relations
St. Petersburg University of Industrial Technologies and Design
St. Petersburg, Russian Federation

«FLICKERING OF MEANINGS» IN S. DOVLATOV'S PROSE

Abstract. *The article provides a description of experience of teaching Dowlatov's prose, in particular his collection «Ours», in the context of Russian classical literature topical for the school canon. Dowlatov's characters, including the autobiographical narrator, are placed within the gallery of characters in Russian classics, and paradoxical continuity is demonstrated between Dowlatov's position and values of his literary predecessors. The methodological character of the article is combined with major notions of Dowlatov's prose commonly accepted in contemporary literary criticism.*

Key words: *S. Dowlatov, prose, «Ours», literary tradition, classics, the authorial position.*

Для цитирования:

Кравцов, М. А., Боева, Г. Н. «Мерцание смыслов» в прозе С. Довлатова // Гуманитарная парадигма. 2019. № 1. С. 82–87.

Практика преподавания в школе показывает, как сложно настроить детей на восприятие текстов разных «литературных эпох»: и классических текстов XIX века, с их резонёрским, порой нескрываемым публицистическим пафосом, и идеологизированных произведений советского периода, и сочинений постсоветского периода, которые «ничему не учат». Читательская оптика для интерпретации текстов разных эпох требуется разная, и задача преподавателя — помочь школьникам выработать нужный эстетический код восприятия книги.

Мы хотим показать, как можно «встроить» разговор о творчестве С. Д. Довлатова (изучение его творчества предлагает, например, учебник по литературе для 11 класса И. Н. Сухих [10, с. 329–344]), на первый взгляд, «безыдейного писателя» XX века, в традиционный дискурс русской классической литературы. Этот аспект изучения прозы Довлатова уже неоднократно привлекал внимание литературоведов [9; 4].

Довлатов многократно подчёркивал принципиальную «безыдейность» своего творчества. «Идейность» великих русских писателей, изменявших чистой художественности, он осуждал, полагая, что на этом пути поэта ожидают потери, а часто и творческая гибель [5]. Довлатов декларировал отказ от морализаторства, поучительности, называл себя не писателем, а рассказчиком, показывал, что его «сквозной» автобиографический герой подвержен слабостям и порокам чуть ли не в большей степени, нежели другие персонажи, старался уклониться от нравственной оценки героев. Использование анекдота как приёма изображения подтверждает заявленную позицию автора: герой анекдота не осуждается, даже если это тиран или бандит, а лишь становится объектом осмеяния, не исключая некоторого

любования. Причём смешное у Довлатова не результат сатирического обличения, а способ про — становится податливой, пластичной.

Довлатов лукавит. Возможно, и перед самим собой. Декларативный отказ от нравственных оценок сродни его псевдодокументализму. Тема наслаждения жизнью раскрывается в творчестве писателя во вполне традиционном для русской литературы ключе, и Довлатов, несмотря на его отрешивание от нравственных оценок, является наследником отечественных классиков. Здесь и начинается работа учителя по реконструкции авторской позиции, а заодно и «путешествие» по всей предшествующей изучению этого автора школьной программе.

Важно показать, что гедонизм в его антично-возрожденческом понимании рассматривается в русской классической литературе (а потом, несомненно, в текстах соцреалистической ориентации) как проявление себялюбия, ограниченности, эгоизма. В галерею героев, стремящихся наслаждаться жизнью, попадают в основном отрицательные и второстепенные персонажи: в «школьном каноне» — от Митрофанушки до Свидригайлова, от Стёпы Лиходеева до пелевинских оборотней и вампиров. Простодушное державинское жизнелюбие, ранний Гоголь, образ Наташи Ростовской, «Сон Обломова» и симпатичный Стива Облонский — редкие исключения. В классической литературе подобное отношение к гедонизму продиктовано православной традицией презрения к земным благам или гражданственно-демократическими идеалами. В советской же литературе гедонизм противопоставлен жертвенному служению народу, революционному аскетизму (можно припомнить хрестоматийных героев соцреализма — Павла Власова, Павла Корчагина и др.). Антагонистом такого героя можно счесть в раннесоветской литературе героя-трикстера, героя-«прохиндея», например, Остапа Бендера.

Довлатов противопоставляет любым «большим идеям» безупречный стиль, юмор. Но его проза не отменяет, как может показаться, нравственного подхода к жизни. Конечно, здесь напрашивается сравнение с Чеховым, которого критики-современники яростно упрекали в «безыдейности», и это прекрасная возможность продемонстрировать школьникам смену парадигмы: явные авторские «оценки» героя в прозе XX века, в отличие от прозы предшествующего столетия, крайне редки (если речь не идёт о соцреализме) и зачастую уходят в подтекст.

Возьмём для анализа «семейный альбом» Довлатова «Наши» (1983). В отличие от большинства произведений писателя, здесь главный герой стремится отойти на второй план, исполняя скромную роль рассказчика (кстати, этим приёмом пользовался и Чехов, что служит ещё одним доказательством родственности художественных стратегий двух писателей).

Но даже при такой установке рассказчик остаётся главной текстообразующей фигурой, так как проза Довлатова — это, в первую очередь, его неповторимый стиль, интонация. Среди двенадцати историй о представителях одной семьи нет отдельной главы, посвящённой самому рассказчику, хотя он появляется в каждой главе в качестве «семейного персонажа», участвует в жизни остальных героев. Поскольку интонация рассказчика и есть цемент, скрепляющий текст, то автор — это сумма персонажей, включая рассказчика, а рассказчик — «замаскированный» главный герой. Таким образом, рассматривая других героев, мы всё же говорим об авторе и авторской позиции. «Как и остальные сочинения Довлатова, „Наши“ — книга эгоцентрическая. Но если раньше Сергей изображал других через себя, то тут он через других показывал себя» [3, с. 236].

Разговор о повести должен быть конкретен, как всякий анализ текста. Довлатовским героям, «нашим», даны все возможности наслаждаться жизнью, но используют их только полубылинный дед Исаак да ограниченные и самовлюбленные дядья Роман и Леопольд — бездумный физкультурник и «добрый, хоть и примитивный» бизнесмен-эмигрант. Что мешает остальным «нашим» радоваться жизни? Исторические причины: репрессии, цензура? Действительно, беды русской истории XX века не минуют семью: безвинно расстрелян дед Исаак, тётка Мара скрывает имя отца своего сына, разочаровываются во власти Арон и отец рассказчика, а сам он со своими близкими становится эмигрантом. Однако только историческими причинами не объяснить мизантропию деда Степана, стихийный экзистенциализм брата Бори, рефлексию рассказчика. Когда Довлатов пишет: «Жизнь превратила моего двоюродного брата в уголовника» или «Чтобы сделать из меня рефлектирующего юношу, потребовались (буквально!) — нечеловеческие усилия», — он говорит обо всём многообразии жизни, а не только о советском режиме.

Довлатовские персонажи вызывают в памяти галерею «лишних людей» русской литературы, что даёт прекрасную возможность порассуждать с детьми об общем и различном в этих типах героев, поупражняться в приведении аргументов, доказывании собственного мнения с опорой на тексты разных авторов и разных литературных формаций.

«Наши» наделены всем, чтобы наслаждаться жизнью, но ради удовольствий они должны поступиться чем-то главным: совестью, талантом. Именно этот нравственный барьер герои Довлатова отказываются переступить. Что мешает двоюродному брату Боре сделать успешную карьеру? Советский режим? Ничуть. Уже в школе брат проявляет задатки лидера, успешного человека: «Это был показательный советский мальчик. Пионер, отличник, футболист и собиратель металлического лома. Он вёл дневник, куда записывал

мудрые изречения. Посадил в своём дворе березу. В драматическом кружке ему поручали роли молодогвардейцев...» [7, с. 184]. В институте он в числе лучших: «...занимался он великолепно. Был секретарём комсомольской организации. А также — донором, редактором стенной газеты и вратарём...» [Там же, с. 185]. Поступив работать в Театр имени Ленинского комсомола, он стремительно делает карьеру. Ничто не мешает ему взлететь ещё выше: «Его посылали в ответственные командировки. Он был участником нескольких кремлевских совещаний. Ему деликатно рекомендовали стать членом партии» [Там же, с. 186]. Однако что-то толкает Борю постоянно совершать дикие, уголовно наказуемые поступки, сбрасывающие его с вершин социальной лестницы. Автор называет это стихийным экзистенциализмом и считает, что брату повезло: «Иначе он неминуемо стал бы крупным партийным функционером» [Там же, с. 183]. Для «беспринципного» автора никакие «удовольствия» не могут сравниться с творчеством. Еда функциональна: пища или закуска; алкоголь (преимущественно водка) не радует, а на время примиряет с жизнью и является обыденностью; отношение к искусству, как правило, иронично, к литературе — пристрастно, то же можно сказать об отношении к окружающим и к самому себе; газетное ремесло раздражает; любовь становится судьбой.

Выводы, возможные в результате представленного анализа, таковы. В быту, газетной работе, конфликтах довлатовский автобиографический персонаж, в котором «просвечивает» авторская позиция, готов пойти на компромисс. Но он остаётся бескомпромиссным в своём творчестве, отказываясь что-либо менять в нём, поскольку это ведёт к потере себя как личности. Наслаждение жизнью в художественном мире Довлатова невозможно, потому что невозможно достигнуть совершенства в творчестве. И, одновременно, единственное настоящее наслаждение ему даёт только литература, которая помогает без отчаяния принимать абсурдную жизнь. Не так уж «безыдеен» Довлатов, каким кажется на первый взгляд.

Подобный анализ предполагает своего рода двойную оптику: пристально читать довлатовский текст, исследуя его поэтику, — и в то же время помещать его в контекст всего корпуса изученных классических произведений (начиная с «Недоросля»), обнаруживая мировоззренческие и эстетические «схождения» и «отталкивания» писателей разных эпох. Вариантом сравнительного анализа прозы Довлатова с произведениями предшествующих периодов литературы может стать исследование её в контексте «петербургского текста» [1; 2]. Наконец, можно выйти к обобщениям следующего характера: в «Записных книжках» Довлатов размышляет о двух типах авторов (рассказчик прозаик — писатель): «Рассказчик говорит о том, как живут люди. Прозаик — о том, как должны жить люди. Писатель — о том, ради чего живут люди» [6, с. 112]. К «классификации» пишущих Довлатов возвращается не раз, и сама

настоятельность этой рефлексии показательна. Интересно сравнить её с «классификацией» писателей В. В. Набокова: учитель – рассказчик – волшебник [8, с. 28]. Ещё интереснее предложить старшеклассникам самим построить типологию писателей, с творчеством которых они знакомы.

Такой разговор на уроках литературы обещает быть и интересным, и продуктивным, и методологически профессиональным.

Литература

1. Боева, Г. Н. Проявление авторской позиции в изображении города, или «ленинградский текст» Сергея Довлатова // Sciences and humanities: современное гуманитарное знание как синтез наук. 1. Кустанович, К. В. От Пастернака до Пелевина: Статьи о русской литературе XX века. 2. Статьи участников междунаро. конф. «Невские чтения» (СПб., 23–25 апреля 2002). Вып. 5. СПб.: НИЯК, 2003. С. 261–270.
2. Вейсман, И. З. Ленинградский текст Сергея Довлатова: дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Саратов, 2005. 211 с.
3. Генис, А. Довлатов и окрестности. М.: Вагриус, 2001. 288 с.
4. Доброзракова, Г. А. Творчество С. Довлатова в контексте традиций русской литературы: (обзор исследований) // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Т. 13. № 2 (2). 2011. С. 407–412.
5. Довлатов, С. Д. Блеск и нищета русской литературы // Довлатов, С. Д. Соло на ундервуде и другие сюжеты: филологическая проза. СПб.: Азбука, Азбука-Аттиус, 2014. С. 243–259.
6. Довлатов, С. Д. Записные книжки // Довлатов, С. Д. Соло на ундервуде и другие сюжеты: филологическая проза. СПб.: Азбука, Азбука-Аттиус, 2014. С. 145–175.
7. Довлатов, С. Д. Наши // Довлатов, С. Д. Ремесло. Наши. СПб.: Домашняя библиотека «Звезды», 1991. С. 141–220.
8. Набоков, В. В. О хороших читателях и хороших писателях // Набоков, В. В. Лекции по зарубежной литературе / Пер. с англ.; под ред. В. А. Харитоновой; предисл. А. Г. Битова М.: Независимая Газета, 1998. С. 23–29.
9. Сухих, И. Н. Сергей Довлатов: Время, место, судьба. СПб.: Азбука. 284 с.
10. Сухих, И. Н. Литература: учеб. для 11 класса: среднее (полное) общее образование (базовый уровень): в 2 ч. Ч. 2. 4-е изд. М.: Академия, 2011. 368 с.

~